

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

ОКТАБРЬ — 1983

КОСТЕР! Где, как не возле него, можно собраться после напряженной таежной работы и за кружкой крепкого чая поговорить о былом. Однажды мне довелось услышать необыкновенную историю. Дело было весной. Распаренная земля пахла сыростью, предельными листьями, свежестью еще не растаявших остатков снега. Костер дымил, закрывая наши лица. Глаза слезились, и мы, отмахиваясь от дыма, пили чай. Нашу мирную беседу прервал паренек, подошедший со стороны пой-

круглых следов хозяина черно-бурого нежного меха — соболя, люди оставались, их глаза восхищенно и жадно загорались: «Скоро будет наш!».

Они были братьями. Прослышав о таежных богатствах, перебрались в дебри речного изгиба. Построили в буреломе ба-

Вот так каждое утро проверяли они ловушки, капканы, самоловы. Пойманных зверьков сносили на основную базу, склад которой был забит пушшиной. Николай не доверял брату, и частенько успевал проверить не только свои угодья, но и проследить за маршрутом Григория, чтобы убедиться, всю ли добычу тот приносит домой.

Григорий шел спокойно, не напрягая сил. Спешить не хотелось. Однообразие уже порядочно надоело. Звери, склад, брат... Даже и не поговоришь по-настоящему. Незнакомая лыжня оборвала раздумья. Кто мог здесь пройти? След вроде снежий, притом неустойчивый. Значит, путник плохо ходит на лыжах или порядочно устал. Но откуда он появился? Долго не думая, Григорий пошел по лыжне. Его карие глаза были напряжены, всматривались вдаль. Неровная лыжня вывела на клин тощего кустарника, затем, прижимаясь к зарослям молодого березняка, побе-

партии геологов.

— Да, Лена, — подтвердила девушка. — Помоги мне выбраться отсюда. А ты, наверное, из соседней партии?

— Да, — смущаясь, ответил Григорий. Ему стало не по себе, что соврал.

Шли медленно. Лена рассказывала о своей работе, расспрашивала. И он опять врал, выдумывая разные истории. Зато сам слушал спутницу с удовольствием. И чем дальше, тем больше она нравилась ему.

Пролетело несколько недель, и все это время терзало и мучило его прошлое. Проснется среди ночи, думает. Не так живет, совсем не так.

В то утро Григорий долго петлял вокруг лагери, вспоминая встречу с Леной. Решил: все, хватит. Ворвавшись в избушку, с таким треском захлопнул за собой дверь, что кругляки-стояки, подпавшие потолок, скрипнули. Подойдя к сколоченному из досок столу, махом сбросил алюминиевые кружки и миски. Затем взял скомканный лист бумаги, расправил, положил перед собой. Отыскал карандаш, неровным почерком вывел хлынувшие на бумагу мысли: «Мне все надоело. Ухожу. Прощай». Прочитав записку, Григорий обвел взглядом обшитые деревом стены, на которых висели ружья, капканы, самоловы. Сыро, грязно и безнадежно показалось тогда ему в берлоге. Прихватив рюкзак, вышел.

Лес, дремавший в снежном одеянии, начал просыпаться от наплыва ветра. «Надо спешить, будет пурга», — тревожно стучало в висках. Сзади послышался шорох. Григорий обернулся. Поравнявшись, Николай схватил его за рукав.

— Что, братец, убегаешь? В последнее время ты не стал приносить зверей. Наверное, где-то припрятал? А сейчас хочешь прихватить пушнину и смыться?

Григорий хотел что-то ответить, но комок, подкативший к горлу, отнял слова. Он лишь с силой оттолкнул брата и зашагал прочь. Николай поднялся, дрожащей рукой нащупал ружье.

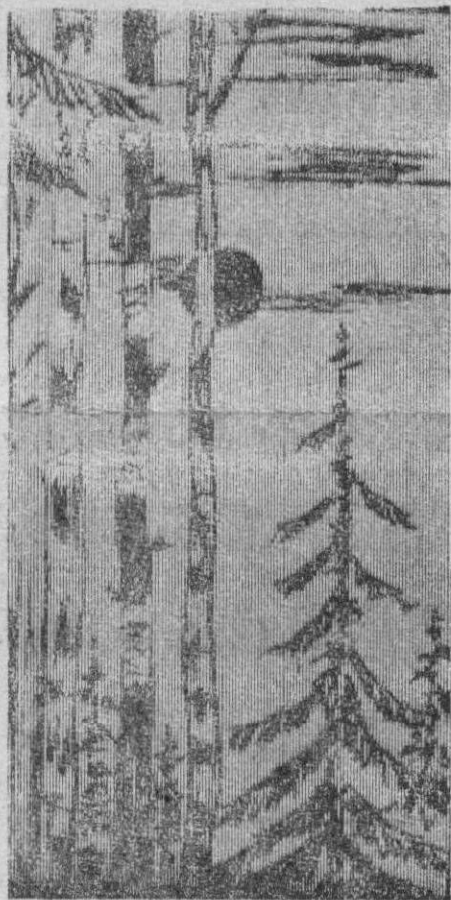
— Стой, я тебе говорю!

Григорий, не обращая внимания на окрик, продолжал идти дальше. Страх, охвативший его несколько секунд назад, прошел. Эхом отозвавшийся выстрел стих. Григорий, пройдя несколько шагов, с глухим стоном бессильно опустился на снег. Кровь, выступив через одежду, стыла на мерзоте. Осознав случившееся, Николай уткнулся лицом в грудь брата.

...Пурга набирала силу.

А. МАНЕЦ,
наш нешт. корр.

ПЕРЕЛОМ

жала вдоль ручья и у завала оборвалась. Тут, прислонившись к дереву, стояла девушка. Тело ее вздрагивало, она тяжело дышала. При виде Григория попыталась улыбнуться, а из глаз покатились слезы.

— Ты откуда взялась? — Заблудилась. Я геолог, не могу добраться до стоянки. — Вдруг она прервала объяснение, ее прохватила кашель и она, держась за тонкий ствол дерева, дергалась и билась вместе с ним. — А вообще меня зовут Лена.

— Лена? — чуть удивленно протянул Григорий, как бы пробуя слово на вкус. Он однажды слышал от брата, что неподалеку высадились две

зу, спрятав ее от любопытных глаз. Временные подбазы разместили в удобных для охоты местах. Николаю было за тридцать. На внешний вид — крепыш. Мечты и стремления его сводились к одному — к деньгам, к способам их получения. Любил командовать, везде и всегда стремился держать верх над слабым. Другой — Григорий. Уступал брату не только в возрасте, но и в силе. И когда возникали споры, старшему долго не перечил.

— Ты посмотри! — и Николай дернул Григория за рукав. — Какой красавец!

Он вскинул мелкокалиберную винтовку к плечу. Щелчок — и глухарь медленно упал, переваливаясь между одедами снегом ветками. Птица еще некоторое время была крыльями и царапала снег кетями, хотела было рвануться в сторону, но рана оказалась смертельной. Замерла с холодной ненавистью в круглых глазах.

— А ну, сгоняй! — восхищенно бросил Николай. Григорий размахистыми шагами лыж пробороzdил кслею к убитой птице. Отыскав ее, возвратился.

— Старый, — медленно процедил Николай. — Слишком жесткий, чтобы есть, годен лишь для приманки. Пускай слопают пещи. — И он швырнул птицу в сторону.

Дальше тропа делилась на две, и братья расходились по своим участкам.

«РАЗЛЮБИТЬ ЭТОТ КРАЙ НЕВОЗМОЖНО»

И. СЕВЕРСКИЙ

Птица ль с криком легла на крыло,
Дождь во мрак заползает тревожно,
В каждом звуке я слышу одно:
«Полюбить этот край тяжело —
Разлюбить этот край невозможно».
Полюбить этот край тяжело —
Двое суток бредем бездорожьем,
И забыли мы слово «жилые»,
Забывает глаза комарье,
Только все, что прошел — то мое...
Разлюбить этот край невозможно.

Предал друг, болью душу свело,
От обиды повеситься можно...
Ночью белой мне в сердце вошло,
Отгорело меня и спасло:
«Полюбить этот край тяжело —
Разлюбить этот край невозможно».
Пусть беда постучится в окно,
Пусть судьба ухмыльнется острожно,
Но со мною спасенье мое.
«Полюбить этот край тяжело —
Разлюбить этот край невозможно».

К бою!..
К бою!..
И ноги в стремя,
Шашки наголо и —
«Даешь!!!»
За великое
наше время

Под тяжелый
свинцовый дождь.
Мчат тачанки,
Летят эскадроны,
Кони яро грызут

И земля
с человеческим стоном
Небо
кровью горячей
зажгла.

Брат

Эх! Была ни была!
Ведь года не богатство.
Стану равным сегодня
озорной ребятне,
И на лыжах с горы
буду птицею мчаться
По веселой такой,
заигравшей лыжне.

Н. ШАКУРА

на брата!..

Сосед
на соседа...
Не по крови —
по духу
родня.

И рождалась...
Рождалась победа
Из свинцовой пурги и
огня.

Все прошло...
Но никем не забыто...
Память сердцу
недаром дана.
И сейчас боевые копыта
Неспокойно
стучат у окна.

Р. ГОРСКАЯ

Розовое солнце оседало,
Опадало медленно
в лесок,
Расползалось в пелене
тумана,

Истекало время, как
песок...
Медленно, минута
за минутой,

Жил закат на краешках
земли,
Тишиной расслабленной
и гулкой

Жажду дня пытаюсь
утолить.
И в белесом сумраке

прохлады
Льется шелест, тает
птичий вскрик,
У ограды я одна,
а рядом

С тихой речкой шепчется
тальник

Незнакомое дурманит
сердце,
Счастье ночи будоражит
кровь,

Жизнь несется в
бесшабашном скерцо,
И всему даруется
любовь.

Т. ШМАЛЬКО

Я рисую, рисую, рисую.
Все характеры
перетасую,
Все хорошее перемножу,
Все, что гадкое —
уничтожу.

Доброту нарисую
людям —
Все обидное позабудем,
Нарисую я сильным —
смелость,

нарисую я жадным —
щедрость,
Нарисую я гордость

слабым,
Красоту — некрасивым
надо.

Непосредственность —
это детям,
Чтоб жилось им легко
на свете.

Я рисую, рисую, рисую,
Разноцветную жизнь
полосую

С буберками и лесами.
Что вам надо? Берите
сами.

В разных песнях поется
про остров любви.
Жаль, что точного
адреса не называют.

Я бы съездила глянуть,
как там соловьи
для влюбленных
романсы свои
распевают.

Я бы съездила глянуть
на остров такой,
Подчинившись внезапно
желаньям досужим.

Он, наверное, славен
своей добротой,
И соседи, конечно, там
ладят и дружат.

Там, должно быть,

хорошие песни поют,
Уважение и мир — как
подарок наследства,
Там в законах единство
и в радость всем
труд.

И урокам любви
обучаются с детства.
Вот и в песнях поется
про остров любви.

И хочу обратиться я с
просьбой к поэту:
Ты мне адрес, мой
друг, поточней
назови,

Я на остров на этот
поеду.

О. ПЕЧНИКОВА

...Недоуменно веки-
ветви взметнулись
ввысь!

И так застыли навеки
С криком! «По-бе-ре-
гись!»

Пусто стало и
страшно,
Небо в грусти немой...

На месте березки —
пространство
Зияло черной дырой!
А на сырой подошве,
Возле застывших век,
Обедал куриной ножкой,
Довольный собой
человек!

С. СМЕТАНИН

Народился новый месяц
в ночь на пятницу —
Хорошо ему на небе
между звездами.

Не укрыться нам от
холода, не спрятаться:
Видно, вышли в этот
вечер слишком поздно
мы.

Слишком холодно сияют
эти россыпи
Над осенней околесицей
в сырости,

А любовь с ее
вселенскими запросами
Не опустится до
жалости и милости

На счастливые примы
не растратится —
Все подарки с чудесами
уже розданы.

Народился новый месяц
в ночь на пятницу,
Хорошо ли ему там —
между звездами?